

ОСНОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ЭТНОЛОГИИ*

Постановка данной проблемы отсылает нас к представлениям о природе и сущности этнического бытия. Если быть предельно кратким, это обладающее отчетливым ценностным смыслом бытие людей в границах, очерченных системой базовых свойств и параметров этноса, таких как самоназвание, язык, культура, самосознание, основная личность, этническая территория, численность. Речь идет, одним словом, о координатах (или ценностях), которые постоянно воспроизводят психическую и культурную целостность этнических систем, неповторимый облик, образ и характер каждого народа. Не существует одинаковых этносов, хотя все они в чем-то похожи друг на друга. Специфичны в любом случае внутренние, в основе своей иерархические связи и отношения базовых свойств в том смысле, что их значимость (ценность) и участие в воспроизводстве этнических систем варьируют от одного народа к другому, а также – если иметь в виду диахронический срез – от одной эпохи к другой.

Принципиальное значение имеют организационное единство и преемственность этнического мироощущения и бытия. Для обозначения этого, безусловно, важнейшего свойства в последние десятилетия используется термин этничность. Он является наиболее точным и емким системным отображением ценностной природы этнического бытия и развития. И хотя споры вокруг содержания данного понятия не утихают ни на Западе¹, ни у нас в России², его эвристическая ценность стала уже очевидной. Достаточно сказать, что, опираясь на смысловые характеристики понятия «этничность», мы в состоянии преодолеть серьезные недостатки прежних механистических, суммативных – определений этноса. Теперь, не рискуя что-либо упустить, можно сказать, что этнос – это социум, который складывается, поддерживается и воспроизводится благодаря этничности.

Разумеется, этничность не возникает на пустом месте. Она является лишь формой социальной рефлексии, способом внутренней организации наличных этноинтегрирующих и этнодифференцирующих фактов и отношений. Иначе говоря, перед нами постоянно действующий селективный и смыслообразующий механизм, задающий такие правила категоризации и рационализации объективного мира, которые позволяют воспроизводить и поддерживать этническую систему. Этничность – demiurge этноса, источник его реальных и потенциальных сил, возможностей. Оказывая воздействие на все сферы и способы бытия человечества – биологические, экономические, политические, она является не только средством, но в определенной мере и целью, смыслом социальной деятельности. Такая направленность воспринимается как естественное состояние этнических систем, а ее отсутствие – как не вполне естественное, аномальное. Этничность стала абсолютной данностью и ценностью, без которой невозможно представить облик человечества, его бытие во времени и в пространстве.

Складываясь в глубокой древности, такое отношение закреплялось в мифах, легендах, затем в мировых религиях. Согласно Библии и Корану, многообразие народов, языков, культур создано, как все сущее на земле, самим Богом. Сохранение и поддержание подобного многообразия рассматривается как всеобщий религиозный и гражданский долг. Отсюда гуманистическая идея равенства народов, самоценности их языков, культур, верований.

Следует вспомнить и о том, что среди причин, обусловивших объединение людей в этносы, одно из первых мест занимают потребность в безопасности, страх перед окружающими мирами. Консолидируясь и опираясь на коллективную силу и мощь, люди могли более эффективно противостоять внешним угрозам, создавая друг для

* Статья подготовлена при поддержке фонда Джона и Кэтрин Макартуров. Грант № 00-62775.

друга физическое, культурное и духовное пространство наибольшего благоприятствования. Это, собственно, и есть привычное, предсказуемое этническое пространство, в котором индивид чувствовал и чувствует себя в относительной безопасности, в среде сородичей, соплеменников, т. е. людей, близких по своему мироощущению и потому способных понять, помочь, простить. Этнический социум складывался как защитный механизм, позволявший его членам выжить, выстоять, выработать оптимальные формы бытия. Эволюцию этнических систем не зря рассматривают как синергический процесс взаимного приспособления людей друг к другу и к постоянно меняющимся внешним по отношению к этносу мирам³. При этом я имею в виду прежде всего синергизм в смысле содружества, сотрудничества и групповой солидарности. Выравнивая человеческие отношения, он делает их более справедливыми и гуманными, способствует взаимной выгоде членов общества, о чем писала в свое время Р. Бенедикт, выделяя общества или этносы с высоким и относительно низким уровнем синергизма⁴. И в самом деле, этногенез имеет прочные гуманистические основания: объединяясь в этнические группы, люди создают культурную среду, в которой находят необходимый минимум психологического комфорта и уюта. Особенно четко осознается это в случаях, когда люди оказываются в иноэтнической среде, где даже при очень хорошем отношении окружающих возникает чувство неполноценности и ограниченности бытия. Отсюда необъяснимая тоска по Родине, возрастающая ценность «первородного» этнического пространства.

Часто, как бы срывая покров мистического с такого рода связей, ссылаются на антитезу «мы – они», где «мы» – близкая, привычная, безопасная этническая среда, а «они» – непривычная, не всегда понятная и небезопасная⁵. Развивая основанное на таком восприятии культурного пространства релятивистское понимание этнического бытия, некоторые исследователи подчеркивают, что наличие других этнических систем – необходимое условие возникновения и способ существования этносов или наций как таковых⁶. Согласно данной теории, понятие нации относительно: «Немцы – потому немцы, что есть русские, англичане, американцы, другие народы, с которыми они вступали и вступают в контакт. Русские – потому русские, что есть немцы, американцы, евреи, украинцы, татары, башкиры и другие общности, каждая из которых рефлектирует бытие других народов»⁷.

Насколько я понимаю, перед нами научная абстракция, которая может служить обоснованием гуманистической идеи взаимозависимости народов и внутреннего единства человечества. Все народы находятся в этом смысле в отношении дополнительной дистрибуции. Не следует только доводить этот тезис до абсурда, до отрицания самодостаточности этнических систем, в которых, как известно, наибольшее значение приобретают внутренние (диахронные и синхронные) информационные связи⁸. Этнос как таковой существует в своем собственном измерении, в собственной системе координат, а его связи и отношения с окружением являются лишь важным и необходимым дополнением к этим координатам, интегрированным во внутриэтническое бытие. Если бы на нашей планете, на всех ее континентах и материках проживал только один народ, то и в этом случае он был бы народом – этносом-человечеством, с развитым чувством «мы», выражающим видовую солидарность и идентичность.

Таким образом, в антитезе «мы – они» наибольшее значение имеет первый компонент и в целом наличие такого разграничения не может служить первопричиной возникновения и необходимым условием существования этносов. В основе своей это вторичное явление, реакция на исторически сложившиеся культурные различия. Приобретая относительно устойчивые формы и очертания, они включаются в систему других параметров и механизмов этнического бытия, и в том числе в виде так называемых этнических стереотипов, которые носят оценочный, обобщенный характер, являются своего рода «стенографией» других этнических групп⁹. Возникая стихийно, в дальнейшем они не проверяются и чаще всего не отражают в полной мере реальных свойств характеризуемого народа¹⁰. Поэтому есть основания думать, что в гораздо большей степени этнические стереотипы характеризуют тот народ, в среде которого

они циркулируют, а не тот, на кого направлены. Через стандартные оценки и характеристики других народов поддерживаются обычно внутриэтнические пристрастия и позитивные самооценки.

С другой стороны, сознание и чувство «мы» как доминирующее и определяющее национально-культурную целостность и идентичность этноса соединяется и взаимодействует с чувством и сознанием «я». И отсюда необходимость различать интраидентичность и интраидентичность¹¹, т. е. коллективистскую и индивидуалистическую направленность самосознания, самоконтроля, самопрезентации. В обществе, где превалирует индивидуалистическая направленность сознания, или Я-идентичность, обычно больше считаются с ценностью или самооценностью человека, с его индивидуально-личными потребностями и правами. Поэтому при всей противоречивости оценок, которые дают так называемым индивидуалистическим и коллективистским культурам¹², необходимо признать, что в целом гуманистический потенциал первых всегда выше. И это понятно: в культурах этого типа остается гораздо меньше пространства для «стадных», грубо говоря, чувств и соответственно – для стереотипов, принижающих другие народы.

Остережемся, однако, принимать эти положения как постулат. Мощное гуманистическое начало заложено и в механизме этнической и – шире – социальной идентификации, о чем я уже говорил. С другой стороны, следует вспомнить, что процесс индивидуализации зачастую оборачивается катастрофической по своим масштабам дегуманизацией человеческих связей и отношений (об этом с большой тревогой уже давно заявляют западные ученые). Я уверен, что наблюдающийся в настоящее время во всем мире, и в том числе на Западе, всплеск этнических чувств является реакцией на эти процессы, своего рода возвратом в лоно этничности. Мы все больше и больше убеждаемся, что тяга к этническим корням практически никогда не уничтожается, хотя и колеблется в широких пределах – то снижаясь, то возрастая. Этническая идентичность остается в любом случае прочной базой социальной идентичности. Сошлемся в данной связи на мнение Ж.Де Воса: «Те, кто рассматривают индивидуализм как высокую цель, – пишет он, – иногда ошибочно предполагают, что индивидуация, или автономия, означает недостаток верности (или лояльности) группе. Они не видят, что современный человек также ищет значимые и ультимативные единицы социальной принадлежности и надежду на выживание через такое соотношение»¹³.

Принципиальное значение имеет здесь тот факт, что люди склонны дорожить уже найденными и сложившимися формами социальной идентичности, к числу которых относится, несомненно, привычная и проверенная веками этническая идентичность.

Акцентируя на этом внимание, мы обнаруживаем еще один не менее важный способ структурирования социального пространства. Я имею в виду дихотомию «наше – не наше». Ее смысловую доминанту составляет опять-таки первый компонент. Тем самым как наиболее значимая выделяется та часть мира, которую группа считает своей принадлежностью с безусловным правом ее наследования.

В этом модусе «собственнического» сознания и переживания – корень многих особенностей этнического бытия и развития. Признавая себя неотъемлемой частью, «принадлежностью» этнического социума, люди вступают с ним в известного рода «договорные» отношения с перечнем всевозможных этнических прав и обязанностей. Прежде всего это право собственности на все компоненты, или ингредиенты, этноса и отсюда – наполненные пафосом выражения: «наш (мой) язык», «наша (моя) культура», «наш (мой) народ», «наш (мой) край», «история нашего (моего) народа» и т.д. Все сколько-нибудь значимые этнопроизводящие признаки и механизмы сознаются как ценности, которые представитель данного этноса вправе (и обязан) считать своими.

Собственно, при посредстве и вокруг подобных ценностей и объединяется народ, формируются этнические чувства, потребности, интересы, возникает и поддерживается этнофилия – тяга и любовь к своему этносу, к его самобытной культуре. Этни-

ческие ценности способны воодушевить и вдохновить, ради них люди готовы терпеть и стойко переносить лишения, страдания, пойти на риск или смерть.

Все это позволяет лучше понять глубинные основания культурной самоорганизации и консолидации этнических систем. Люди дорожат символами, отношениями, фактами, которые способствуют сохранению и укреплению основ этнического бытия. Происходит своего рода фетишизация народа, с которым связала человека его судьба, и потому свое собственное положение, благополучие, достоинство он так или иначе связывает с положением, благополучием и достоинством своего народа. И это несмотря на то, что в наш век в таком соотношении больше иррационального и эмоционального, чем рационального и функционального. Архетип этноса-убежища (этноса-прибежища) и тесно с ним связанный архетип этнического «Я» относится к числу устойчивых и универсальных в структуре бессознательного.

На этой почве произрастает национализм во всех его формах – от самого открытого, грубого и воинствующего до мягкого, рафинированного и просвещенного, а также патриотизм, который является лишь гуманистическим выражением этнофилии и национализма. На первый план выступает в таких случаях инстинкт возвращения к истокам, к архетипам коллективного бессознательного. В сущности это постоянно действующая функция, которая в зависимости от обстоятельств заявляет о себе поразному и порой самым неожиданным образом. Вспомним, что, добываясь больших успехов и славы за пределами Родины, человек жаждет получить признание у себя дома, среди своих соотечественников. Обычно больше всего он дорожит именно этим признанием, превращая его в своего рода *idee fixe*.

Одним словом, существует и, практически независимо от воли и желания людей, действует глубоко укоренившаяся в человеческом сознании этническая привязка переживаний, побуждений, решений. Очень часто этнос остается для людей наиболее важной референтной группой, своего рода последней инстанцией в обосновании смысла существования¹⁴. Отсюда значимость всех ингредиентов этнического бытия. Они являются ценностями как раз в том смысле, что служат психологическими опорами бытия отдельного человека, средствами удовлетворения особого рода нужд и потребностей, именуемых этническими. В то же время это некоторые социально признанные идеалы и цели деятельности, достижение которых ориентировано на воспроизводство психологического и культурного единства. Иначе говоря, включаясь в практику социальной жизни, ингредиенты этничности выполняют роль ценностных ориентаций и все функции, свойственные таким структурам сознания: когнитивные, аффективные, директивные¹⁵.

Остается сказать, что в соединении с политическими и экономическими идеями и установками этнические ценности образуют качественно новые диспозиционные формы, именуемые национальными интересами. Такая трансформация знаменует переход к более сложным и угонченным способам культурной, социально-экономической и политической организации этнического социума, особенно на той стадии, когда в народе созревает идея национального государства и на первородную (примордиалистскую) этничность все больше и больше наслаивается сознательно конструируемая или инструменталистская этничность, устанавливающая формы национального бытия, выходящие за рамки собственно этнического бытия и развития¹⁶.

Однако и в основе национальных интересов в качестве субстрата остается все же ценность этнической идентичности. Будучи частью социальной идентичности, она является реальной опорой человека в его стремлении определить координаты своего «Я», свое место в системе социальных отношений. Когда человек говорит «я француз», он демонстрирует сознание принадлежности и причастности к общности людей с своим специфическим языком и национальным характером, с определенной территорией и культурой, а также со своим особым местом в этносфере, в многообразии других народов. В сущности это шаг к идентификации со всем человечеством. Поэтому в чистом виде, свободном от штампов обыденного сознания, этническая потребность и идентичность служат толчком к познанию человечества, и этот тезис мог бы

стать одним из постулатов когнитивной этнологии. Познание и самопознание – ценности высшего метафизического плана, участвующие в обосновании смысла и назначения бытия, и в этом, собственно, внутренняя значимость тенденции к этническому самоопределению и самоосуществлению.

* * *

Содержание и острота этнических потребностей во многом определяют характер и динамику этнического развития. И это понятно: этническая потребность ищет удовлетворения в определенном уровне этничности, стимулирует деятельность, направленную на достижение или поддержание такого уровня. Этническая мобилизация прямо связана с этнической потребностью.

Но действия, диктуемые *этнической потребностью*, совершаются не спонтанно, а через их обоснование в *этническом праве* – в праве сохранять, поддерживать и изменять границы и параметры этнического бытия. Оно предстает в виде некоей системы частных прав: языковые (лингвистические) права, права на культурную автономию, этническую территорию, создание национальной государственности, установление и корректировку этнического названия или самоназвания и т.д.

Понятно, что состав, специфическое содержание и направленность этнических прав варьируют в широких пределах в зависимости от множества разного рода внешних и внутренних условий и обстоятельств. Например, в полиэтничном государстве актуальным считается право на распределение должностей с учетом национальной принадлежности, на создание национальных школ, национального радио и телевидения и т.п. Варьируют степень легитимизации и возможности реализации подобных прав, что становится иногда источником разного рода коллизий. К примеру, демократическое избирательное право может вступить в противоречие с правом равномерного распределения полномочий между представителями государствообразующих народов. Как свои суверенные воспринимают некоторые народы и такие права, которые противоречат существующему законодательству и не признаны другими народами и мировым сообществом.

Такие факты относятся к кругу проблем, непосредственно связанных с представлениями о равенстве народов, о справедливом распределении этнических прав и свобод. Отсюда гуманистические в основе своей идеи и установки, ставшие источником суждений типа: «нет и не бывает плохих народов, есть только плохие люди, и по ним нельзя судить о народе в целом». Конечно, с этим можно поспорить: в истории многих народов бываю периоды, когда плохое в их мировосприятии и деятельности превалирует над хорошим, зло торжествует над добром. И все же не существует изначально, постоянно и безнадежно плохих народов. Возможность проявить себя с лучшей стороны, в облагороженной форме есть у каждого из них, нужна только добрая воля и соответствующая этому предрасположенность к этической рационализации мира. Я имею в виду в данном случае предрасположенность в смысле определенной системы принципов и навыков структурирования социального пространства и организации социальной деятельности, которая с легкой руки П. Бурдьё получила название *габитуса*¹⁷ (от лат. *habitus* – «состояние», «свойство», «расположение», «характер»). Следует добавить к этому, что есть существенная разница между позитивной – этически полноценной и негативной – морально ущербной валентностью *габитуса*.

В связи с этим встает далеко не праздный вопрос об ответственности, которую возлагает на людей их членство в этнических группах, т. е. вопрос об *этнических обязанностях*. Ориентированные на сохранение структурной устойчивости, надежности и аттрактивности (доброй репутации) этнических систем, они являются важнейшими компонентами этнического самосознания, определяя во многом его социальное и стадийное качества. Вообще же перед нами специфическая форма социального давления, концентрированным выражением которого являются представления о долге человека перед собственным народом. Формула этнической обязанности выглядит следующим

образом: «Я француз и потому обязан...». Далее идет перечень действий, которые следует или не следует совершать в силу такой самооценки. На этой почве складывается и действует своего рода *этническая идеология*, или доктрина, которая может приобретать самые разнообразные формы и очертания. Отчетливо выделяются внутренние и внешние этнические обязанности. Первые ориентированы на сохранение и развитие внутренних связей и отношений этнической системы, а вторые – на установление и поддержание ее связей с внешним миром. В частности, существуют определенные представления о необходимом отношении к представителям других народов, что во многом связано с особенностями этической рационализации внешних по отношению к этносу миров, с наличием или отсутствием эмпатического восприятия этих миров.

Все зависит, таким образом, от содержания и направленности этнических обязанностей. Будучи нацеленными на сохранение структурной устойчивости этнических систем, иногда они действуют прямо противоположным образом, становятся источником волюнтаристских решений и действий, резко повышающих уровень энтропии в этих системах.

Добавим к этому, что между этническими потребностями, правами и обязанностями складываются сложные, не всегда однозначные отношения. К примеру, испытывая потребность в сохранении и развитии форм этнического бытия, люди очень часто снимают с себя личную ответственность за реальное положение дел в этой сфере, возлагают ее на официальные структуры. В двуязычном обществе человек, как показывал опыт нашей страны, может испытывать большое желание, чтобы его дети говорили на родном языке, освоили лучшие традиции народа, но при этом, ссылаясь на занятость, считает, что этим должны заниматься детский сад, школа, государство. Отсюда противоречия между ценностной и мотивационной структурой личности, которые становятся одним из источников этнической напряженности. Желанием снять такое противоречие объясняется во многом стремление к созданию национальной государственности, ориентированной на сохранение и развитие этничности, адекватной этническим ценностям и потребностям.

К числу распространенных стрессоров можно отнести также хорошо сознаваемое личностью внутреннее несоответствие между реальным поведением и тем поведением, к которому обязывают его этническая идентичность, логика этнического выживания и развития. Это переживания, непосредственно связанные с так называемым когнитивным диссонансом¹⁸. В процессе тотальной аккультурации и ассимиляции они приобретают хронический и массовый характер, оказывают негативное воздействие на общественное настроение и самочувствие. Этнический когнитивный диссонанс ведет к утрате самоуважения и развивает комплекс вины, разрушая тем самым гармонию жизненных связей и отношений.

Бывает и так, что исполнению хорошо сознаваемых и мотивированных этнических обязанностей препятствует отсутствие соответствующих этнических прав. Больше всего страдают от этого национальные меньшинства. Некоторым из них отказано в праве не только на национальное самоопределение или культурную автономию, но даже на сохранение этнонимов и фамильных имен.

Возникновение этнической напряженности связано и с условиями, при которых человек не может в полной мере овладеть навыками национально-культурного поведения, и прежде всего навыками общения на родном языке. Отсутствие таких навыков не позволяет интегрироваться в этническую среду, чувствовать себя полноценным, полнокровным членом этнической общности. Часто это вызывает болезненные переживания, способствует формированию раздражительности, агрессивности, комплекса неполноценности.

Наконец, необходимо сказать еще и о том, что внутри этноса у различных социальных групп и у отдельных личностей существуют различные, порой диаметрально противоположные представления об этнических потребностях и национальных интересах, о связанных с ними правах и формах должного поведения. В известном смысле такой разброс мнений и в целом разнообразие внутриэтнической информации

способствуют развитию и обновлению форм этнического бытия. В то же время – это источник внутриэтнических и порой трудноразрешимых конфликтов, которые негативно сказываются на самочувствии и судьбах людей.

Содержание и соотношение этнических потребностей, прав и обязанностей, как явствует из всего изложенного, создает специфическую внутриэтническую ситуацию и накладывает определенный отпечаток на путь, который прокладывает и которым идет народ из прошлого в настоящее и будущее. В частности, фазы эволюции сменяются фазами инволюции. Эти процессы хорошо известны. В первом случае действенная, творческая сила основных этнопроизводящих признаков и механизмов возрастает, что ведет к повышению жизнестойкости и жизнеспособности этноса, к снижению в системе элементов энтропии. Обычно в этой фазе растет численность народа, расширяются или укрепляются этнические границы, совершенствуются формы социальной и культурной самоорганизации. Инволюция, напротив, фиксирует тенденцию нисходящего развития этноса, его упадка, увядания, убывания. Это своего рода «обратное развитие» этнического социума, логическим завершением которого является его растворение в среде других, более крупных и жизнеспособных этносов.

Впрочем, и после длительного периода упадка и увядания этноса остаются шансы или возможности реанимации и стабилизации форм этнического бытия. Пример практического использования этих шансов – евреи в Израиле, избравшие путь тотального и неуклонного «этнического развития». Этничность, возведенная в ранг государственной политики, стала идеологией восстановления еврейства, еврейского стиля и образа жизни¹⁹. Такие примеры свидетельствуют о том, что в фазе инволюции этноса наступает определенный момент истины, который может стать поворотным пунктом либо к полному истощению и распаду этнической системы, либо к восстановлению ее структурной устойчивости и жизнеспособности за счет некоторых внутренних резервов или в силу проявления новых этнопроизводящих механизмов с большим негэнтропийным эффектом. Применяя ставшие сейчас необычайно популярными понятия и формулировки синергетики, можно сказать, что это критическая точка развития системы, так называемая точка или зона бифуркации, которая несет в себе скрытую информацию о новых решениях. Какими будут эти решения, каким будет выбор системы, можно говорить только с определенной долей вероятности.

В развитии этнических систем зонам бифуркации соответствуют состояния, которые я называю *этническими кризисами*. Они знаменуют определенный рубеж, этап или поворотный пункт в его развитии, когда осуществляется выбор между прежней и новой идентичностью, между старой и новой самопрезентацией, а порой – между бытием и небытием, жизнью и гибелью этноса. Иными словами, это суровое испытание жизнеспособности этноса, которое является еще и стимулом для формирования новых форм организованной деятельности, способных предотвратить окончательный распад.

Чтобышний раз подчеркнуть, насколько сложна такая ломка, хочу напомнить, что речь идет не о каком-то единовременном акте, а о состояниях и процессах протяженностью в десятилетия, даже столетия. Они имеют свои стадии (стадии кризиса), свои спады и подъемы и являются в этом смысле целой эпохой в истории народа. Устанавливаются сложные, порой драматичные отношения между временем кризиса и жизнью, ценностными ориентациями различных поколений, судьбами конкретных личностей. Вспомним, к примеру, судьбы первой волны русской эмиграции и непосредственно связанные с судьбами России духовно-нравственные искания Н. Бердяева или И. Шмелева. В ходе подобных исканий формируются своего рода философия, этика и даже эстетика кризисов.

Обычно этнический кризис вызывает у людей впечатление внутреннего несоответствия между наличным и проектным бытием этноса²⁰ и отсюда повышенное, порой болезненное самовнимание и рефлексивный мониторинг социальных действий, движений, изменений. В острых стадиях наблюдается повышенная тревожность. Затем, по мере того как социум адаптируется к новым условиям, наступает стадия

относительной устойчивости и стабильности. Наконец, как весьма характерная выделяется стадия истощения, когда кажется, что система уже не в состоянии противостоять процессам деэтнизации.

Нетрудно обнаружить здесь некоторые параллели с известными идеями канадского психофизиолога Г. Селье о стрессе и общем адаптационном синдроме, который имеет три фазы: тревогу, сопротивление, истощение²¹. По мнению Селье, при высокой сопротивляемости и жизнеспособности организма стрессы даже полезны в том смысле, что инициируют действия, направленные на самоусовершенствование и самоорганизацию. Если же запасы так называемой адаптационной энергии малы, стрессы вызывают страх, безысходность, апатию, ведут к необратимым изменениям в тканях, которые в конечном итоге разрушают организм, сокращают срок отпущенной ему жизни. Отсюда понятие вредоносного, негативного стресса, которому Г. Селье дает название дистресса.

Эти идеи нашли своеобразное отражение в социологии, в концепции так называемого «социального беспокойства», выдвинутой американским социологом Г. Блумером²². К числу черт социального беспокойства он относит смутные предчувствия, страхи, неуверенность, внушаемость, раздражительность, а также повышенную активность, которая носит суетливый и беспорядочный характер. Показательно, что подобные состояния рассматриваются, с одной стороны, как симптомы разрушения, распада и крушения сложившихся форм социального бытия, а с другой – как начальная фаза новых, более эффективных средств и способов деятельности, способных повысить структурную устойчивость социальной системы.

Основные положения концепции стресса и социального беспокойства вполне приложимы к этническим системам. Мы знаем, что сужение границ этнического бытия и блокирование деятельности, направленной на удовлетворение этнических потребностей, сеют в народе страх и неуверенность в будущем, желание избавиться от тревожного ожидания полного и окончательного распада форм этнического бытия. Возникает, одним словом, *этническое беспокойство*, или *этническая напряженность*, являющаяся социально-психологическим выражением этнических кризисов. Такие состояния обусловлены колебаниями и расстройством внутренних и внешних информационных связей этнической системы и потому достаточно четко разделяются на внутри- и межэтническую напряженность. Причем последняя, как известно, возрастает в условиях полиэтничности и создает дополнительные трудности для удовлетворения этнических потребностей и соблюдения этнических прав.

Что касается реакций на кризис, то они могут быть самыми разными: от стагнации и медленного угасания этноса до радикальных действий, направленных на преодоление кризиса и устранение этнического напряжения. Хорошо известно, что не всегда эти процессы протекают гладко, мирно, безболезненно. Всякое сколько-нибудь значительное новос препятствие на пути к удовлетворению этнических потребностей и реализации этнических прав усугубляет положение и может обернуться взрывом возмущения и насилия. Многое в данном случае зависит от уровня толерантности и шире – от запаса адаптационной силы и энергии этнических систем. Но в любом случае этническая напряженность определяется степенью взаимного соответствия проектного и наличного этнического бытия. Поэтому внутреннюю связь этнической напряженности с параметрами этнических систем можно отобразить следующей формулой:

$$\text{этническая напряженность} = \frac{\text{проектное этническое бытие}}{\text{наличное этническое бытие}}$$

Как видно из этой формулы, при наличии достаточно осознанных и отчетливых этнических потребностей и обязанностей всякое ослабление, или редукция адекватных им форм этнического бытия, а также реальных прав на устранение такого несоответ-

ствия неизбежно ведет к повышению этнической напряженности, становится реальной почвой возникновения как внутри-, так и межнациональных конфликтов.

Внутри этноса (нации) это обычно конфликт между населением с различным уровнем и содержанием этнических потребностей и отсюда формирование оппозиции, политическая борьба, гражданские войны. Межэтнические, или межнациональные, конфликты вырастают на той же почве, но уже как конфликты потребностей или национальных интересов различных народов. Особенно часто они возникают в условиях этнической контаминации – смешанного расселения и проживания разных народов на одной и той же территории, в рамках единых государственных или административных границ. В таких случаях накапливающиеся внутриэтнические проблемы, неурядицы, кризисы имеют тенденцию трансформироваться в недовольство поведением других народов, проживающих на данной территории; возникают взаимные подозрения, упреки, обвинения. Для обозначения подобных противоречий обычно используют термин *межэтническая напряженность*²³, и это, как явствует из изложенного выше, лишь своеобразное проявление внутриэтнической напряженности.

Обычно любое реальное или мнимое препятствие на пути к удовлетворению этнических потребностей воспринимается как угроза полноценному развитию этноса независимо от того, откуда эта угроза исходит – от тех или иных групп или слоев внутри этноса, от диктата могущественных народов или от разрушительного действия процессов модернизации. С другой стороны, если благополучию и свободному развитию народа, с которым ассоциирует себя индивид, что-либо, по его мнению, мешает, он почти инстинктивно воспринимает это как реальную угрозу собственному, личному благополучию. Пробуждается первичный страх, когда-то объединивший людей в этносы, он становится катализатором беспокойства, всякого рода реактивных состояний, накапливающаяся и распространяющаяся отрицательная информационная энергия подтачивает жизненные основы этнического бытия, несмотря на то что люди пытаются каким-то образом приспособиться к ее разрушительному действию. Одним словом, во всех подобных случаях мы имеем своего рода общий адаптационный синдром или синдром болезни, недомогания этносоциального организма.

Он возникает не вдруг и не сразу, а постепенно, по мере распространения по всем участкам этносоциального организма, пока не оформится в устойчивый комплекс явных признаков и симптомов «болезни», что свидетельствует еще и о том, что этническим кризисам предшествует латентный период, когда люди не вполне отчетливо воспринимают и переживают те или иные ограничения форм национального бытия. Чувствительность отдельных личностей, групп или слоев общества в этом смысле не одинакова: одни реагируют очень быстро, остро и болезненно, другие – с некоторым опозданием и спокойно, третьи остаются индифферентными. Но в ходе взаимодействия и контактов различных групп и индивидов беспокойство и тревога одних передаются постепенно другим. Происходит взаимное подкрепление и усиление невротического состояния, и в конце концов формируются некоторые общие признаки этнической напряженности: растерянность и недобрые предчувствия, повышенная внушаемость и апатия, раздражительность и агрессивность. Это способствует распространению тревожных слухов и всякого рода преувеличений, создает условия для полного расстройств сложившихся социальных связей и отношений. Напряженность возрастает, создавая почву для открытого возмущения, беспорядков, вспышек насилия. Энтропия возрастает.

* * *

Понятно, что этнический кризис протекает на фоне усилий, направленных на его распознавание и преодоление. Иначе говоря, в ходе социальной рефлексии, отслеживания наличных состояний и форм этнического бытия возникает естественным образом внутренне разделяемая и сознаваемая обществом задача снижения этнической напряженности. У нее, как явствует из введенной ранее формулы, есть два

принципиально различных решения: 1) плавное снижение и сужение этнических потребностей и обязанностей, приводящее их в соответствие с относительно низкими и постоянно снижающимися показателями условий и форм этнического бытия; 2) структурные преобразования, имеющие целью сохранение, усложнение и развитие этнической системы.

Оставляя в стороне вопрос о том, что заставляет этническую систему сделать выбор в пользу одного из этих вариантов, заметим: в первом случае вместе с постепенным вытеснением этнических чувств, потребностей, обязанностей наблюдаются нейтрализация границ этнического бытия и дисфункция основных этнопроизводящих механизмов. Практика такого развития хорошо известна по опыту советского периода, когда определенный успех имела пропаганда дружбы и единства народов, перспектив неизбежного слияния в одно коммунистическое общество. Мы знаем, что это и в самом деле сплотило народы СССР и открыло путь к относительно быстрой аккультурации и естественной ассимиляции части из них. Тем не менее «плавильного котла» не получилось. Воспринимая как позитивную идеологию дружбы и единства, большая часть народов СССР сохраняла основы этнической идентичности.

В годы демократических преобразований и реформ 1980-1990-х годов стали очевидными и качественно иные следствия подобной политики, когда длительное время заглушавшиеся этнические чувства и потребности неожиданно заявили о себе с необычайной силой и остротой, вызвав в ряде случаев беспорядки, вооруженные конфликты, гражданские войны. Провозглашенная демократия и свобода, последовавшие вслед за этим процессы этнизации и реэтнизации, как оказалось, не гарантируют стабильности и устойчивости этнического бытия и развития и автоматического снижения этнической напряженности. Более того, иногда в этих условиях она возрастает еще больше, вступая в противоречие с национальными интересами других народов либо с интересами определенных групп или слов внутри этнической системы. Более чем показательный тому пример – современная Чечня.

Таким образом, несмотря на то что существуют – и вполне реально – два способа, или принципа, снижения этнической напряженности, ни тот, ни другой сами по себе не являются панацеей от еще большего расстройств этнической системы.

Однако не все так безнадежно, поскольку в любом случае мы не лишены возможности установить причинную зависимость конструктивного и деструктивного развития событий. С одной стороны, многое зависит от правильного или неправильного, рационального или нерационального выбора между двумя способами снижения напряженности. С другой стороны – и это тоже очень важно – от правильного или неправильного отбора и применения средств и приемов деятельности, направленных на достижение избранной цели.

Такая постановка проблемы выдвигает на первый план вопрос об идеологии или методологии правильных, предпочтительных выборов. Мне представляется, что их следует искать в гуманистических основаниях этнического бытия и развития, опираясь на такие решения и действия, которые не разрушают, а восстанавливают, укрепляют и развивают эти основания. Я называю такой подход *эмпатическим*, имея в виду, что в его основе лежит сочувствие, сострадание к людям, оказавшимся (иногда даже по собственной, отчасти, вине) в состоянии этнической напряженности.

В рамках такого подхода существенно меняется отношение к различным проявлениям этнического напряжения, будь то апатия, упадок нравов или взрывы национализма и насилия. С эмпатической точки зрения, это следствия общего неблагополучия системы, требующие сочувствия, сострадания, помощи, умиротворения. Даже в экстремизме и терроризме следует видеть не только и не столько злой умысел определенных лиц или групп²⁴, сколько симптомы «недомогания» системы: сознавая неполноценность, ущербность своего этнического, социального бытия, люди реагируют на это зачастую чрезмерно остро и болезненно, а значит неадекватно. И с этим необходимо считаться – в том смысле, что в подобных случаях нельзя ограничиваться только осуждением, обвинением или применением жестких санкций. Такая практика,

как показывает опыт, оборачивается взаимным ожесточением и систематическим нарушением прав человека.

Разумеется, эмпатический подход не имеет ничего общего с оправданием преступных или безнравственных действий с чьей-либо стороны, с отказом от осуждения и сурового наказания за такие действия. Он предусматривает лишь чуткость и понимание первичных, истинных причин недуга и готовность помочь справиться с ним. В принципе, это способность перенести часть естественной любви к самому себе на других.

Г.Э. Хенстенберг очень удачно обозначает такую настроенность как «сочувственную объективность», акцентируя внимание на том, что она носит надживотный характер²⁵. Речь идет, одним словом, о «теплой идентификации»²⁶, о принципах этической рационализации мира, которые уже легли в основу гуманистической философии и психологии²⁷. Эмпатия – хорошая почва для взвешенных, т. е. справедливых, решений и действий, направленных на удовлетворение насущных этнических потребностей. В своем наиболее полном и законченном виде это не просто эмоция, а понимание, и в том числе понимание в смысле поиска и обнаружения внешних и внутренних резервов самосохранения и развития этнических систем, повышения их структурной устойчивости и гибкости. Отсутствие такого понимания создает препятствия для поддержания необходимого баланса между этнизацией и интернализацией общественной жизни; этнос перестает ощущать зримое присутствие в мире, утрачивает контроль за соответствием социальных практик интересам самоусовершенствования. Соответственно меняется к худшему общественное настроение, возрастают тревога и неуверенность в будущем.

Эмпатия оберегает от черствости, жестокости, ставки на грубую силу в решении национальных проблем, поддерживает в обществе убежденность в том, что не только несправедливо, но и нерационально навязывать людям такие формы социального бытия, которые заставляют их страдать, создают сложные или непреодолимые препятствия для сохранения имеющих большое ценностное значение форм этнического бытия. С другой стороны, и опять-таки по гуманистическим соображениям, она позволяет воздержаться от таких способов этнизации, которые ограничивают свободу личности, возможности ее наиболее полной самореализации. Я имею в виду формы жесткого давления этнической среды, националистически настроенных групп, корпораций, выражающиеся в том, что на личность возлагаются такие обязанности (по так называемому «спасению нации»), которые на самом деле ей чужды и зачастую только разрушают, подталкивают к неадекватным действиям.

Это свидетельствует еще и о том, что эмпатический подход и подлинно гуманистическая этнология не сводимы к культурному релятивизму, так как зачастую он оборачивается консервацией вековой отсталости народов, самобытностью в ущерб модернизации и этико-эстетической рационализации мира. Эмпатичность в отличие от этого предполагает готовность помочь людям более организованно и безболезненно пройти путь от традиционно-иррациональных к инструментально-рациональным отношениям и избрать оптимальный вариант модернизации, опирающийся на традиции собственного народа, но не отвергающий с порога новых форм и стандартов жизни.

Здесь, кроме всего прочего, требуются большая выдержка и терпимость, поэтому толерантность – необходимый компонент эмпатического подхода к решению этнических проблем. Однако эмпатия не сводится к толерантности, подобно тому как сфера этического не сводится и не сводима к сфере этикетного. Толерантность важна как способность и готовность воздержаться от импульсивных и агрессивных реакций на конфликтогенную ситуацию. В быту сдержанность и терпимость ассоциируются с широтой ума, воспитанностью, учтивостью, а в сфере более широких социальных отношений – с проявлением «зрелости и жизненности человеческих коллективов, государственных и политических образований, а также международного сообщества в целом»²⁸. Это, по словам В.А. Тишкова, существенный механизм культуры, и прежде всего культуры мира и взаимопонимания между социальными группами, слоями или

народами, позволяющий избежать необдуманных политических решений и действий, чреватых наихудшими последствиями.

Одним словом, речь идет о политической толерантности, которая возможна лишь в условиях подлинной демократии, при наличии гражданского общества и ответственности, взвешенного отношения к судьбам наций, народов, стран.

Но все зависит в данном случае от того, как мы воспринимаем объект толерантного отношения. Если в установке на этническую толерантность преобладает холодный, эгоистический расчет, – это одна ситуация. И совсем другая ситуация – толерантность, основанная на эмпатическом отношении. Обычно в первом случае объект толерантного отношения воспринимается как помеха, препятствие, а в лучшем случае – как средство к самоосуществлению и отсюда снисходительность сильного по отношению к слабому или благоразумная учтивость и покорность слабого в его отношении с сильным. Во втором случае объект толерантного отношения отождествляется с субъектом, поэтому действия в интересах других воспринимаются как действия в своих собственных интересах, к своей собственной пользе и выгоде.

Толерантность сама по себе придает отношениям только видимость понимания и равенства. Она является иногда только простой учтивостью, за которой нет подлинного чувства сострадания и понимания; демонстрируя терпимость, снисходительность или нейтральность, легче всего скрыть черствость и безразличие к судьбам людей и народов. Сверх того, толерантность, как тонко подмечено Г. Маркузе, может быть и репрессивной, консервирующей *status quo* фактического неравенства и дискриминации²⁹, когда людей принуждают покорно и даже с благодарностью переносить тяготы несправедливого, униженного положения. В таких случаях она превращается в утонченную, циничную и потому наиболее отвратительную форму насилия или призыва к насилию.

Необходимо теплое и заинтересованное проникновение во внутренний мир личностей, сознающих несовершенство, недостаточность этнического бытия. В таких случаях человек не только мысленно ставит себя на место страждущих, но и переживает вместе с ними, как бы живет их жизнью. Это высокая культура чувств, в основе которой лежат развитое нравственное внимание и память. На почве эмпатии развиваются сотрудничество, взаимовыручка, взаимопомощь и в целом этическая и эстетическая рационализация мира.

Особо следует сказать, что эмпатичность, или сочувственная объективность, формируется и поддерживается благодаря усилиям воли, под контролем общечеловеческих моральных принципов и правил. Мы откликаемся на переживания и беды других людей не только в силу эмоциональной отзывчивости – произвольно, но и вполне сознательно, напрягая внимание, память, ум. Эмпатия в этом смысле – одна из форм самопожертвования, ведь для того чтобы «войти» в мир других людей, разделить с ними радость и горе, необходимо оставить в стороне свои собственные проблемы и дела, пожертвовать собственным временем, силами, средствами. «Быть эмпатичным трудно, – пишет в этой связи К. Роджерс. – Это значит быть ответственным, активным, сильным, и в то же время – тонким и чутким»³⁰. Однако это не бесполезная трата сил и средств. Обычно во взаимоотношениях людей эмпатия проходит тест на рациональность³¹, поэтому, действуя в интересах других, человек действует и в своих собственных интересах, создает для себя благоприятную социальную среду и психологическую атмосферу.

Таким образом, внутренним основанием культуры мира в сфере этнических связей и отношений является эмпатичность. Создавая условия, при которых люди спокойно, со знанием дела избирают линию и формы своего самоосуществления, она смягчает нравы, снижает уровень социального беспокойства и напряженности.

Хочу подчеркнуть в данной связи, что эмпатичность не только психологическое, но и социально-политическое измерение этнических связей и отношений, роль которого возрастает вместе с развитием горизонтальной культуры общества. Чтобы эмпатичность стала доминантной темой современной цивилизации, необходимо возвращать и

укреплять демократические институты, создавая подлинно гражданское общество, способное противостоять всем формам социальной несправедливости.

Это очень актуально для современной России: следует отказаться от формальной, подчас циничной демократии, основанной только на сомнительного свойства арифметических подсчетах и политике кнута и пряника. Нужна подлинно гуманистическая демократия, учитывающая и уважающая интересы и чаяния меньшинства, и в том числе интересы народов, не по своей воле оказавшихся в состоянии этнического кризиса, переживающих в этом смысле не лучшие времена. При этом многое в данном случае зависит и от политики, проводимой на местах, и прежде всего в республиках Российской Федерации. Замечено, что формы правления, сложившиеся в них, зачастую далеки от демократических, что, с одной стороны, не отвечает национальным интересам проживающих там народов, а с другой – подталкивает федеральный Центр к использованию столь же недемократичных способов давления на местные власти. Отсюда неутешительные оценки и прогнозы типа: «крайний национализм губит демократию в Центре, милитаризованный национализм Центра погубит ростки демократии в республиках»³².

Целиком и полностью соглашаясь с этим, я должен заметить, что на самом деле ситуация еще сложнее, так как доморощенный авторитаризм местных правителей выражается не только в различных формах национализма (это справедливо, скажем, для ситуации в Чечне, Карачаево-Черкесии или Ингушетии), но и в ограничении некоторых форм и проявлений национального чувства и интереса, что, к примеру, характерно для Кабардино-Балкарии. В связи с этим особенно часто, но, к сожалению, не всегда вполне корректно, аргументированно и профессионально высказываются об ущемлении этнических прав балкарцев. Однако не лучше обстоит дело с кабардинцами. В застойный период советской эпохи, предшествовавший перестройке, основная часть руководящих постов была занята кабардинцами. Эти руководящие функционеры по существу проводили политику направленной этнической инволюции, изживания кабардинской этнической специфики из общественного бытия, стесняли развитие кабардинской речи, письменности, книжности, художественной культуры. Результатом стал взрыв национального возмущения в 1991 – 1992 гг.³³, к счастью, благодаря воздействию именно глубоко этничных традиций сдержанности и терпимости не вылившийся в деструктивные действия. К сожалению, известная инерция этих этноинволюционных тенденций проявляется в политике руководящих работников республики и сегодня.

Как видно, при всем различии крайних форм этнизации и деэтнозации они ведут к одному и тому же результату – к возрастанию этнической напряженности, различным формам конфликта. Предотвратить такое развитие событий может политика, которая основана на сочувственной объективности, на желании понять чаяния и подлинные интересы народа и на готовности действовать с учетом этих интересов, соблюдая при этом большой такт, меру, стремясь к утверждению этико-эстетической рационализации форм этнического бытия.

Что же касается научной, эвристической ценности такого подхода, то она, как мне кажется, не вызывает сомнения.

Эмпатический подход может служить методологической базой гуманистической этнологии, для которой этнические чувства и потребности, права и обязанности не пустые слова, а ключевые категории, через призму которых рассматриваются все нюансы и перипетии этнического бытия и развития. Такой была традиционная советская этнография (несмотря на все издержки, в том числе теоретические, идеологические). Станет ли преемницей этих традиций современная российская этнология, еще трудно сказать. Многое в этом смысле зависит от нас самих.

Примечания

- ¹ См.: Yancey W.L., Ericksen E.P., Juliani R.N. Emergent Ethnicity: A Review and Reformation // Amer. Sociol. Rev. 1976. V.41. № 3; Ethnicity. N.Y., 1996.
- ² Чешико С.В. Человек и этничность // Этнограф. обозрение. 1994. № 6; Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1996; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
- ³ Болотоков В.Х., Шевлоков В.А. Синергетическая концепция этноса. Пальчик, 1999; Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999.
- ⁴ Benedict R. Synergy: patterns of the good culture // Amer. Anthropologist, 1970. V.72.
- ⁵ См. напр.: Порошиев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
- ⁶ Здравомыслов А.Г. К обоснованию релятивистской теории наций // Релятивистская теория наций. М., 1998.
- ⁷ Там же. С. 21.
- ⁸ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- ⁹ Об этом см. Klineberg O., Zavalloni M. Nationalism and Tribalism among African Students. P., 1969. P. 162.
- ¹⁰ Braun R. Worlds and things. Glencoe, 1958. P. 367.
- ¹¹ См.: Бгджиков Б.Х. Адыгская этика. Пальчик, 1999. С. 76.
- ¹² См.: Hsu F. The Self in cross-cultural perspective // Culture and Self: Asian and Western perspectives. N.Y.; L., 1985; Gudikunst S., Ting-Toomey S. Culture and interpersonal communication. London: New-Delhi, 1988.
- ¹³ De Vos G.L. Ethnic pluralism: conflict and accomodation // Ethnic identity. Cultural continuities and change. Chicago, 1982. P. 29.
- ¹⁴ Об этом свидетельствует лишний раз тот факт, что национальные движения пополняются в значительной мере за счет фрустрированных личностей, пытающихся через такое участие сублимировать некоторые личные и не всегда осознанные комплексы и неудачи. Будучи в основе своей деструктивным, этот потенциал очень часто затрудняет эффективное решение национальных проблем.
- ¹⁵ См.: Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, 1961. P. 4.
- ¹⁶ Такая, собственно историческая, трактовка видов и форм этничности является, как нам представляется, наилучшим решением давнего спора о приоритете первородной и конструируемой этничности. Кстати, еще в начале 1960-х годов Е. Шилз подчеркивал, что расширение физических и духовных границ этнического бытия приводит в конце концов к «сублимации или трансформации» этничности в национальность. См.: Shils E. Society and Societies: The macro-sociological view // American sociology. Perspectives, Problems, Methods. N.Y.; L., 1968. P.302.
- ¹⁷ Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices // The logic of practice. В. 1. 1990. P. 53.
- ¹⁸ Об этом см.: Festinger L. A Theory of cognitive dissonance. N.Y., 1957.
- ¹⁹ См.: Esman M.G., Rabinovich J. Ethnicity. Pluralism and the State in the Middle East. Ithaca; London, 1988. P. 141-142.
- ²⁰ Проектное этническое бытие ассоциируется обычно не только с моделями будущего нации, но и с определенными состояниями в прошлом. В любом случае это соотнесение настоящего как с прошлым, так и с возможным или желаемым будущим народа.
- ²¹ Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. С. 32-33.
- ²² Blumer H. Collective Behavior // New Outline of Principles of Sociology. N.Y., 1951. P. 171-174.
- ²³ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- ²⁴ К примеру, курдский или чеченский сепаратизм нельзя рассматривать как желание во что бы то ни стало разрушить территориальную целостность Турции и России. В основе своей это стремление каким-то образом (не всегда адекватным) решить накопившиеся внутринациональные противоречия и проблемы. Аналогично этому война, которую ведет в Чечне Федеральный Центр, является своеобразной реакцией и на общероссийские противоречия и проблемы, которые лишь отчасти связаны с ситуацией на Северном Кавказе.
- ²⁵ Hengstenberg H.E. Zur Revision des Begriffs der menschlichen Natur // Philosophia naturala. Meisenheim, 1973.
- ²⁶ Собкин В.С. К определению понятия «идентификация» // Виды и функции речевой деятельности. М., 1977.
- ²⁷ Среди наиболее ярких представителей такой философии и психологии следует назвать в первую очередь М. Хейдегера, Э. Фромма, А. Маслоу, К. Роджерса.
- ²⁸ Тишков В.А. Указ. раб. С. 259.
- ²⁹ Marcuse H. A critique of pue tolerance. L., 1971. P. 136.
- ³⁰ Rogers C.R. Empatic: an unappreciated way of being // Counseling psychol. 1975. V. 5. № 2. P.9.
- ³¹ Brandt R.B. Rationality, egoism, and morality // J. philosophy. 1979. V.59. № 20. P. 333.

³² Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 92.

³³ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

B. Kh. B g a z h n o k o v. Foundations of humanistic ethnology

The article substantiates a proposition concerning the evaluative nature of objective ethnic reality and the necessity in this connection to exercise «compassionate objectivity» and empathy in the process of perceiving and making sense of this reality. Empathy is viewed as the inner foundation of the world's culture in the sphere of ethnic connections and relations. It is stressed at the same time that it is not only psychological but also social, political aspects of ethnic connections and relations. For the empathy to become a dominant theme of modern civilization it is necessary to nurture and strengthen the truly democratic institutions.